

Трудно быть папой

Папой быть трудно. И созвучие с известным романом Стругацких тут отнюдь не случайное: ведь папа для детей тоже в известном смысле — божество. В их глазах он всемогущ и всеведущ, он все знает и все умеет, он карает и милует, он закрывает собой от бед и грозно спрашивает с провинившихся. Вопрос лишь в том, каким богом ты станешь для своих детей.

А вариантов тут как минимум три. Папа может быть для ребенка добрым божеством, несущим мир, радость и веру в добро. Может стать грозным демоном, оставляющим в детской душе целый набор страхов, комплексов и травм на всю жизнь. А может оказаться и «божеством спящим», чем-то вроде индуистского Браммы, когда папа у детей вроде бы есть, но его как бы и нет, поскольку он целиком погружен в свое бесконечно-глубокое и безмерно-содержательное личное бытие.

Два последних варианта не требуют особых усилий. Но вот быть добрым папой действительно трудно. Уже потому хотя бы что для этого нужно перестать быть злым и ленивым.

В моей папской жизни все эти три ипостаси оказались переплетены в причудливый узор. Где-то хуже, где-то лучше, с ошибками и потерями осваивал я эту сложную науку — быть папой. Какие-то ошибки удалось исправить, какие-то потери оказались невозможными. И, конечно же, я сделал для себя несколько важных выводов. Возможно, кому-то они покажутся банальными, но это не беда: чем дольше живу, тем больше убеждаюсь — все важные вещи в этой жизни банальны. Дети мои уже выросли, и выводы эти — своего рода подведение итогов моего отцовства.

Главные песни

Смолоду я очень хотел стать профессиональным музыкантом. Неплохо освоил гитару, сочинял музыку, играл в нескольких группах. Вся моя жизнь была заполнена музыкой, все ценности соотносились только с ней, и других смыслов для меня тогда не существовало. Потом я женился, у нас с женой один за другим родились трое мальчишек, а вслед за ними — долгожданная дочка. Времена были непростые, ремеслом музыканта зарабатывать на жизнь тогда было трудно, и я ушел трудиться на стройку, каменщиком. А музыку решил оставить. Чтобы ничего не напоминало о былой любви, продал все свои гитары, пластинки, и целиком погрузился в новую для меня роль — мужа, отца и кормильца. Но в глубине души продолжал ощущать себя талантливым музыкантом, наступившим на горло своей песне ради семьи и детей.

Прошло несколько лет. Однажды я приехал в гости к своему другу, с которым когда-то вместе играли, сочиняли, мечтали об успехе. Друг, в отличие от меня, продолжал музицировать, у него уже была своя студия, он творил, записывал альбомы,

выступал с концертами. А я все это время штабелевал обледенелый кирпич на морозе, таскал ведрами цементный раствор на пятый этаж, слушал завывания двигателя башенного крана и матерщину бывалых строителей, учился вести кладку...

И, конечно же, я ему завидовал. В нем я словно бы видел свою несостоявшуюся судьбу — ту, от которой отказался, уйдя работать на стройку.

Друг поставил мне свой очередной альбом. Это была именно та музыка, которую мы когда-то собирались записывать вместе. И так мне стало грустно, так стало жалко себя, что я сказал:

— Какой же ты молодец! После тебя останутся твои песни, произведения. А после меня лишь груды кирпича, которым я придавал форму.

Друг посмотрел на меня удивленно. Потом засмеялся и кивнул на своих детей, возившихся на полу с кубиками:

— Вот они, мои настоящие произведения и песни. А это все, — он махнул рукой в сторону музыкального центра, — ерунда. Приятное баловство.

Честно сказать, тогда я ему не поверил, решил, что кокетничает мужик или просто утешить меня хочет. Сейчас, спустя двадцать лет, я с полной уверенностью готов подписаться под этими его словами. Друг по-прежнему занимается музыкой, а я давно уже ушел со стройки. Он с тех пор выпустил еще десяток альбомов, я — пару десятков книжек. И теперь тоже уверен, что главное произведение мужчины — его дети. Потому что музыкальные альбомы и книжки, будучи однажды выпущенными в свет, тут же начинают уходить в прошлое, сколь бы хороши они не были. А дети всегда устремлены в будущее. Причем не в какое-то абстрактное будущее, а именно — в твое, единственное и неповторимое. Это им, твоим детям, предстоит сделать его счастливым и радостным. Или тягостным и лишенным смысла. Или беспросветным и ужасным. И от того, насколько быстро в молодые годы ты сумеешь понять эту нехитрую мысль, зависит вся твоя последующая жизнь.

Смолоду мужчинам очень хочется самореализации, хочется доказать себе и всему миру, что они тоже чего-то стоят и не зря топчут землю. Это нормальное мужское стремление. Но беда тем мужчинам, кому оно заслонит маленькое чудо, которое пока еще совсем не похоже на какое-то достижение и просто лежит себе в кроватке, агукает или плачет, просит есть или играет с погремушкой. Беда, если папа воспринимает детей лишь как некий неизбежный довесок к своим творческим или карьерным амбициям. Потому что пройдут годы, представления о целях и смыслах постепенно будут меняться, амбиции будут все слабее, и, наконец, совсем угаснут. А дети останутся — уже взрослые, сильные, полные жизни. И от того, каким богом ты был для них все это время, будет зависеть, увидишь ли ты в них любящих друзей, равнодушных знакомых или же ненавидящих тебя врагов.

Зачем рычать на собаку

Папа в детстве — это прежде всего сила. Это твоя защита и уверенность в том, что любая угроза, с которой ты не можешь справиться сам, будет немедленно развеяна в пух и прах, как только ты позовешь своего всемогущего папу.

Поэтому папа должен быть сильным. А может и не быть сильным. Но жить он все равно должен так, чтобы дети видели в нем безусловную защиту от любой опасности. И не важно, что это будет — школьные хулиганы, пьяный мужик на улице или злая соседка, орущая на них за пустой стаканчик от мороженого, брошенный мимо урны. Неважно, правы дети в таком конфликте или виноваты. Важно только одно — это твои дети, и никто на свете не имеет права их обижать, пока ты жив. Это уже потом, если выяснится, что они сами набедокурили, ты сам их и вразумишь и накажешь. Но если во время конфликта ты по каким-то причинам вдруг встанешь на сторону обидчиков, в глазах твоих детей это будет самым настоящим предательством, которое может изломать вашу дружбу на много лет, а то и десятилетий.

Мне эти простые истины давалась очень трудно. Сам я рос без отца, поэтому представление о своих папских обязанностях строил по принципу восполнения собственного детского опыта — вспоминал, чего мне самому не хватало в этом смысле, когда я был маленьким. И в меру сил старался дать это своим детям. Правда, иногда это происходило в весьма странных формах.

Помню, когда дети были совсем еще мелкими, мы всей семьей отправились в лес на пикник. Разожгли костер, расстелили на траве покрывало, стали жарить на палочках хлеб. Вдруг из кустов выскочила крупная собака, кажется, ротвейлер. И с рычанием кинулась на нас, раскрыв здоровенную слюнявую пасть. Воевать со сторожевыми псами я, конечно, не умел, да и вообще никогда не отличался особой смелостью. Но в тот раз, не тратя времени на поиск палки или топора, мигом вскочил с земли, тоже зарычал и кинулся навстречу собаке, нелепо размахивая руками. Наверное, вид у меня был настолько дурацкий, что собака остановилась, удивленно склонила голову набок и все тем же галопом убежала обратно в кусты.

Когда я, даже не успевший испугаться, вернулся к костру, дети и жена смотрели на меня с таким восторгом, будто перед ними был какой-нибудь античный герой вроде Геракла.

Потом в нашей жизни было много всяких разностей. Но это вот чувство, когда, не задумываясь, бросаешься навстречу опасности, защищая своих детей, я запомнил хорошо и потом ему тоже следовал. Думаю, именно подобные случаи во многом определили наши с детьми отношения, которые сохранились и по сей день. Только теперь это уже я живу с полной уверенностью, что на свете есть трое молодых мужчин, способных не раздумывая броситься на мою защиту, какая бы беда мне ни угрожала.

Защита от защитника

Даже для очень сильного папы есть серьезная опасность, с которой он может не справиться. Опасность эта — он сам. Ведь для своих детей папа — бог, всемогущий властелин. А человеку быть богом очень трудно: слишком большой соблазн употребить власть не по назначению. Происходит это не враз, маленькими шажочками, постепенно и незаметно. Но вся беда в том, что остановить папу на этом скользком пути просто некому. И если он сам не сделает этого вовремя, то через несколько лет семейной жизни вполне себе приличный и добрый мужчина превращается в домашнего тирана, орущего на детей, раздающего им подзатыльники и грозно сверкающего глазами по поводу и без повода. Нет, он при этом, конечно же, остается защитником своей семьи от всех внешних угроз. Но кто теперь защитит семью от такого защитника?

Папина сила должна быть доброй. Обязательно и непременно, без каких либо исключений. Наученный собственным горьким опытом, я сейчас абсолютно убежден, что нет и не может быть у папы никаких уважительных поводов для того, чтобы кричать на детей, угрожать им и уж тем более — распускать руки. Потому что дети все равно будут тебя любить, даже такого. Но любовь к папе окажется разбавлена страхом и неуверенностью в том, что их самих есть за что любить. И горький этот «коктейль», которым ты напоишь их в детстве, потом будет отравлять всю их взрослую жизнь. А тебе до конца дней будет стыдно за то, что назад отмотать уже никак не получится.

Верх банальности

Говорить о том, что папа должен воспитывать не столько словами, сколько личным примером, наверное, будет верхом банальности. Но говорить об этом всё же надо, потому что эта простая истина обладает странным свойством: она скользит лишь по поверхности сознания, не проникая глубже уровня, на котором опознается под тегом «ну-это-мы-уже-слышали».

Одно из самых губительных заблуждений папы — вера в то, что личность ребенка формируется как бы «сама по себе», независимо от того примера, который он видит в папином поведении. Ну, или формируется лишь там, где папа специально решил преподать ему некий полезный урок, а все остальное время ребенок лишь «переваривает» и усваивает полученные навыки и сведения.

На самом же деле каждая секунда, проведенная папой рядом с детьми, является воспитательным процессом, вне зависимости от папиных желаний и намерений. Каждая его привычка, каждый поступок, слово, жест, интонация — все это становится непрерывной чередой микроуроков, по которым ребенок строит свое представление о том, каким должен быть настоящий мужчина. Папа для них — первый герой и первая любовь. Конечно, потом дети вырастут и поймут, что он

отнюдь не был идеалом. Но важность этого первого их опыта восхищения и любви настолько велика, что мы зачастую просто не понимаем ее в полной мере.

Для детей (особенно для мальчиков) папа — бог. По его образу и подобию они будут расти и развиваться, потому что других образов перед ними еще нет, он пока — единственный и главный мужчина в их жизни. И папа должен помнить об этом всегда, чем бы он ни занимался и насколько бы маловажными с точки зрения воспитания ни казались ему эти занятия.

Чехов писал, что в человеке должны быть прекрасны и лицо, и мысли, и душа, и одежда. Так вот, папа для своих детей — образец человека. И от того, каким они его будут видеть каждый день своей детской жизни, зависит не только их представление о мужчине, но и представление о красоте, о любви, о правде. Сказал ли ты при них циничную шутку, наврал ли по телефону начальству, повысил ли голос в споре с женой, привык ли бродить по квартире в одних трусах — все это тут же становится частью воспитательного процесса. И последствия такого «воспитания» обязательно потом проявятся в их жизни. А через них — и в твоей тоже. Напакостил когда-то в детской душе — значит жди: спустя годы прилетит всё это бумерангом обратно, и никуда ты не денешься от собственной грязи.

Змей

Когда-то в детской песенке звучала краткая, но исчерпывающая формула настоящего папы: «Папа может, папа может все что угодно. Только мамой, только мамой не может быть». Несмотря на очевидный максимализм, это очень верное определение. Сколь бы ни менялся мир вокруг нас, в нем все равно остаются вещи, которым ребенка должен научить именно папа. А для этого ему самому нужно уметь все, что должен уметь мужчина, у которого растут дети — плавать, разводить костер в лесу, драться, запускать в небо змея, ловить рыбу, ходить на лыжах, играть на гитаре, строить снежную крепость, жарить мясо на углях, пилить, строгать, играть в футбол и волейбол, точить нож и топор, отличать съедобные грибы от несъедобных... Перечень может быть очень длинным, но суть, надеюсь, понятна. И если по каким-то причинам папа этого не умеет, ему нужно срочно учиться хотя бы чему-нибудь из таких пропущенных в детстве уроков. Нужно обязательно расширять репертуар своих папских умений и навыков, латать дыры в собственном воспитании, чтобы они не перешли от тебя к твоим детям.

У меня таких дыр было множество, поэтому сквозь их пустоту приходилось продираться к совсем простым вещам. Так, например, однажды мне (уже взрослому, многодетному папе) знакомый объяснил, как можно из самых простых подручных материалов буквально за полчаса сделать воздушного змея. Не кусок бумаги на веревочке, а настоящего змея, способного взлететь на несколько сотен метров. А мне в детстве ужасно хотелось такого змея соорудить, но вот... не пришлось как-то.

И я загорелся идеей, прибежал домой, собрал своих мальчишек, и говорю: сейчас будем делать змея.

Сбегали в ближайший подлесок, срезали пару прочных ивовых прутьев, нашли остаток полиэтилена от прошлогодней теплицы, купили в магазине скотч, моток прочной капроновой нити, и я принялся за дело, в точности следуя полученным от знакомого инструкциям. Дети, затаив дыхание, смотрели на меня, как на доброго волшебника. А у меня... у меня ничего не получалось. Нитки, вместо того, чтобы надежно стянуть ивовые прутья, упорно с них соскакивали. Скотч приклеивался к чему угодно, кроме того, к чему был должен приклеиться. Нож не резал, пленка топорщилась, и вообще все шло не так. Дети стояли вокруг, смотрели на мои сомнительные манипуляции, и думали, что еще вот-вот, и папа сделает им настоящего летучего змея, которого можно будет запускать под облака. А папа вдруг бросил заготовку, отвернулся и молча ушел к себе в комнату. Не хватало еще, чтобы дети видели, как их всемогущий бог плачет из-за такой ерунды, как не получившийся змей.

Через полчаса в дверь просунул нос старший сын (ему было тогда лет восемь) и тихонько сказал:

— Пап, я там все, вроде бы, сделал. Только как хвост привязывать, не знаю. Пойдем, покажешь.

Я вышел. Мы привязали к змею хвост и отправились на поле за огородами. День был ветреный, и все получилось именно так, как я мечтал с детства: змей, словно большая рыба, попавшая на крючок, упруго натянул нить, покружил над нашими головами, и стал стремительно уходить ввысь. Через пять минут он уже парил так высоко, что был едва различим в ослепительно-синем небе. И мы с детьми пускали к нему вверх «письма» из пустых полиэтиленовых пакетов. А потом, прислонив к нитке пустую консервную банку, слушали, как поет ветер в вышине, гадали — как далеко упадет наш змей, если нитка вдруг оборвется. И еще делали множество всяких радостных дел, которые, наверное, совсем непонятны тем, кто ни разу не запускал настоящего воздушного змея.

Примерно с таким же скрипом и пробуксовкой я в первый раз жарил с детьми шашлыки и водил их на рыбалку.

В эти моменты папой быть особенно трудно. Но уж лучше вот так, «на скаку», с ошибками и неудачами учиться, чем бросить все как есть, даже не попытавшись заполнить пустоту, которую ты рискуешь оставить им в наследство.

Две разрушенные дороги

А теперь еще об одной трудности, на которой могут споткнуться даже самые умные, сильные и ответственные папы. Ты можешь дать своим детям все, что дорого тебе

самому, поделиться самым любимым и сокровенным, передать опыт, который по крупицам собирал всю жизнь. Но при этом тебе следует твердо усвоить важнейшую мысль: дети не обязаны все это от тебя принимать.

Им может просто не понравиться то, что любишь ты. И ты, всемогущий бог, не имеешь никакого права заставлять их это полюбить. Да и возможности такой тоже не имеешь. Потому что они — такие же люди, как и ты сам, несмотря на то, что пока еще маленькие. Ты не вправе насильно вбивать им свои предпочтения, вкусы и убеждения, ты можешь лишь делиться с ними, предлагать им то, что считаешь важным и ценным. Но выбор должен всегда оставаться за ними. А тебе нужно научиться в какой-то момент тихонько отходить в сторону, давая своим детям возможность научиться самим выбирать, что им по сердцу, а что — поперек. Причем, речь здесь идет отнюдь не только о подростковом возрасте. У меня первый опыт подобного рода случился, когда первому сыну не было еще и трех лет.

Погожим зимним днем мы отправились с ним погулять во двор. Сын взял игрушечную машину и стал прокладывать для нее дорогу по склону небольшой снежной горки. Дорога получалась какая-то неудалая, кривая, и я решил помочь. Попросил у него машину и вмиг построил на снежном склоне лихой горный серпантин, по которому тут же с триумфом прокатил игрушку. Сын отреагировал неожиданно. Никогда не забуду его лицо в тот момент. Сначала он неуверенно как-то улыбнулся, потом засмеялся даже, взял в руки машинку и собрался играть. А потом вдруг нахмурился, заплакал и стал этой же машинкой

крушить построенную дорогу, пока не разнес ее всю, до последнего поворота. Потому что это была не его дорога, а моя. А его дорогу — кривую и неумело сделанную — я сломал, чтобы построить свой шикарный серпантин. И он понял это, хотя даже говорить тогда еще не умел. И ответил мне тем же — поломал мою дорогу.

Дать свободу ребенку даже в такой, казалось бы, мелочи, папа может только одним способом — ограничив свою свободу, добровольно умалив свое папское всемогущество. И с каждым годом этой детской свободы должно становиться все больше. Потому что лишь там, где она есть, может появиться и ответственность. А без этих двух качеств человек рискует до седых волос остаться инфантильным переростком, не способным к самостоятельным решениям и поступкам.

Конечно, тут есть очень тонкая грань между ситуациями, где папа просто обязан понуждать своих детей к чему-либо, и ситуациями, когда он, наоборот, должен отодвинуться, давая им думать, чувствовать и действовать самостоятельно. И определить эту грань тоже бывает ох как нелегко. Но мы ведь о том и говорим — что папой быть трудно.

Торопись!

Ну и напоследок — еще об одной важной вещи. Если ты стал папой — поспеши им быть. Потому что быть папой хотя и трудно, но не так уж и долго: пройдет всего полтора-два десятилетия, и эти уникальные отношения с собственным ребенком для тебя закончатся навсегда. Ты по-прежнему будешь оставаться его папой, но вот всемогущим божеством, первым его героем и первой любовью быть перестанешь.

Поэтому торопись. Каждый возраст твоего ребенка прекрасен и уникален, но проносится так быстро, что ты рискуешь его попросту не заметить. И не дай тебе Бог решить, будто главное дело папы — обеспечивать материальное благосостояние семьи, ну а всё остальное — рыбалка, игра в бадминтон, чтение книжек перед сном, походы в лес, — лишь некий папский факультатив: есть силы и желание — делаю, нет — значит, перебьются. Потом, когда время будет упущено, а сам ты, наконец, поумнеешь, восполнить все это уже не получится, как ни старайся.

Не успев потетешкать на руках своего младенца, попеть ему баюльные песни, пожалеть его, прижимая к себе, когда у него болит животик, погреть ему ночью кашу, когда он голоден — не успев все это вовремя, ты не сделаешь этого никогда. Потому что на эти папские дела у тебя есть всего-то пара лет. И все остальные эпохи в жизни твоего ребенка окажутся столь же стремительны и безвозвратны, и на них тебе тоже будут отпущены считанные годы. Постарайся их не пропустить.